

УДК 39; 801.81
DOI: 10.17223/19988613/54/21

Н.В. Березовская, В.Г. Волков, Н.А. Тучкова

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕЛЬКУПОВ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (АРХЕОЛОГИЯ, ГЕНЕТИКА, ЛИНГВИСТИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ)

Рассматривается вопрос этногенеза селькупов с позиции археологических, генетических, лингвистических и этноисторических исследований. Археологические материалы Среднего Приобья периода позднего средневековья и нового времени традиционно интерпретируются как принадлежащие селькупам; развитое средневековье исследователями-археологами соотносится с праселькупским населением. Генетические данные также предполагают формирование селькупов на основе местного автохтонного населения, сложившегося на данной территории не менее, чем 3 000 лет назад. Лингвистические данные, напротив, не дают оснований считать Приобье территорией формирования ранних селькупов, предлагая возможности поиска для дислокации носителей селькупского языка в более южном, юго-восточном направлениях.

Ключевые слова: селькупы; этногенез; локальные группы; археологическая культура; погребальный обряд; генетика; лингвистика.

Опыты создания схемы этногенеза селькупов, как, впрочем, и любого другого народа, неизбежно приводят к выводу о невозможности сделать это средствами одной науки. Этногенез – процесс многосторонний, охватывающий проблемы развития антропологического, лингвистического, культурно-генетического плана, растянутый во времени на непредсказуемую глубину. В данной статье предпринята попытка посмотреть на проблему формирования этноса селькупов с точки зрения данных археологии, генетики, а также этноисторических и лингвистических позиций. Сложившийся при работе над данной статьей авторский коллектив представляет каждое из названных научных направлений: археология (Н.В. Березовская), генетика (В.Г. Волков), историческая этнология и лингвистика (Н.А. Тучкова).

Цель статьи – выявить логические связи самостоятельных версий этногенеза селькупов по данным археологии, лингвистики, этнографии, генетики и попытаться сложить наименее противоречивую картину (версию), основываясь на современных научных данных.

Этногенез селькупов по археологическим данным. Впервые на археологическом материале предположения о формировании древнеселькупской культуры в Среднем Приобье с середины 1 тыс. н. э. были сделаны В.Н. Чернецовым [1. С. 238]. Более ранний этап истории селькупов, по его мнению, был связан с продвижением таштыкских племен в районы томско-нарымской Оби. «Результатом этой передвижки явилась более или менее полная ассимиляция этими племенами восточнопериферийных угорских племен и появление селькупов – остяко-самоедов» [2. С. 189]. С накоплением археологического материала предположение о продвижении таштыкцев не получило дальнейшего развития, но культуру, сменившую кулайскую, В.Н. Чернецов считал древнеселькупской [3. С. 105].

В начале 1950-х гг. археологические исследования остяцких могильников XVI и XVII вв. у села Молчаново осуществлял А.П. Дульзон. Их принадлежность

селькупам автор обосновывал сведениями окладных ясачных книг первой четверти XVII в. По этим данным «в рассматриваемом нами районе проживали только остяки (т.е. остяко-самоеды, селькупы)» [4. С. 131]. Благодаря изобилию предметов русского импорта, монет и жетонов, погребения из курганного могильника Остяцкая гора имели бесспорную датировку XVII в. Пачангский могильник был датирован непосредственно предшествующим временем – XVI в., поскольку автором была установлена преемственность погребального обряда и «полная аналогия всех показателей керамики» [Там же. С. 127]. Следовательно, преемственность в области материальной культуры населения XVI и XVII вв. с материальной культурой приобских остяков XVIII–XIX вв. устанавливается достаточно убедительно [Там же. С. 132].

Следующий шаг вглубь процесса этногенеза селькупов был сделан Л.А. Чиндиной [5. С. 61–94]. Проведя сравнительный анализ материалов раскопок Тискинского могильника, могильников Остяцкая гора, Пачангский, Тургайский и Балагачевский, с учетом данных этнографии селькупов, хантов, кетов Л.А. Чиндина определила те черты погребального обряда, которые можно назвать этническими. Сопоставления материалов привели автора к выводу о возможности этнической интерпретации только в том случае, если выявлены сочетания отдельных специфических признаков. Для селькупов это: многоактность сооружения курганов, захоронения в неглубоких могилах или на поверхности, положение умершего на спине, долевая форма покрытия обкладки могилы, ориентация в юго-восточном направлении, наличие в могиле глиняной посуды [Там же. С. 90]. Эти же признаки использованы для сравнительного анализа с погребальным обрядом и керамикой VI–VIII вв. н. э. могильника Рёлка [6]. В итоге сделан вывод о древнеселькупской принадлежности раннесредневековых материалов. Помимо уже перечисленных выше признаков погребального обряда,

среди важнейших характеристик, присущих и ранне-средневековой, и позднесредневековой керамике, были названы форма и орнаментация сосудов, особенно I (гребенчатого) типа. Кроме «этнических» признаков, выделенных на археологическом материале, были привлечены материалы этнографических исследований и данные антропологии. Серия черепов из раннесредневековых могильников Рёлка, Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык и Могильницкого показала большую близость к селькупам, причем к более древнему (А) типу [6. С. 140]. Необходимо отметить, что принадлежность могильников Новосибирского и Томского Приобья к рёлкинской культуре является спорной. Т.Н. Троицкая и Л.М. Плетнева данные памятники считают единичными и соотносят их с самодийцами или угро-самодийцами.

Дальнейшие исследования Л.А. Чиндиной позволили построить схему культууроге́неза в Среднем Приобье с периода раннего железного века до позднего средневековья. Гипотеза о древнеселькупской принадлежности релкинской культуры развернута на широком фоне исторических событий, предложена интерпретация компонентов, вошедших в ее состав и факторов, повлиявших на ее развитие. Керамика релкинской культуры, представленная тремя типами, явилась основным показателем культуурогенетических процессов. I и II типы керамики, по Л.А. Чиндиной, имеют генетическую связь с предшествующей (кулайской) керамикой и отражают две линии развития орнаментов (простую гребенчатую и фигурно-штамповую) и локальную специфику. Сделан вывод о том, что эта локализация отражала начало процесса выделения диалектно-этнографических групп внутри селькупского этноса. Третий тип валиковой керамики имеет аналогии в Восточной Сибири и соотносится с носителями тунгусо-маньчжурских языков [7. С. 129–130].

В целом схема культууроге́неза, предложенная Л.А. Чиндиной, принята научным сообществом, имеет сторонников (В.А. Могильников, А.И. Боброва, Ю.И. Ожередов), тем не менее, по вопросу этнической интерпретации, границам рёлкинской культуры у нее есть и оппоненты (Л.М. Плетнева, Т.Н. Троицкая, В.И. Молодин).

В.А. Могильников, также как и Л.А. Чиндина, считал, что Нарымское Приобье VII–VIII вв. от Чулыма до Тыма вероятнее всего, является областью формирования древних селькупов. Наличие же в рёлкинской культуре генетически различных типов керамики (I тип – местный, самодийский; II – северный или северо-западный, связанный с предками хантов; III – восточного или юго-восточного происхождения) свидетельствует о том, что процесс сложения селькупов в это время еще полностью не завершился. Оформление древнеселькупского этноса в основном, видимо, завершается в начале II тысячелетия н.э., с чем, очевидно, связано возобладание в керамике типа I, при сохранении ведущих черт релкинского погребального ритуала. Для этого периода

В.А. Могильниковым предлагалось выделение «кустовской» культуры, впоследствии не получившее обоснования и развития. В Томском и Новосибирском Приобье, по его мнению, проживали представители другой, родственной древним селькупам самодийской этнической группы, которая в дальнейшем, в X–XVI вв., была тюркизирована [8. С. 228–231].

Л.М. Плетневой сделан вывод о принадлежности памятников Томского Приобья в раннем средневековье к угро-самодийской историко-культурной общности [9. С. 127]. В.И. Молодин же, пользуясь ретроспективным подходом, пришел к умозаключению об угорской принадлежности кулайской культуры. Основным аргументом его исследования является факт распространения фигурно-штамповой кулайской керамики на север и запад, где, следуя логике дальнейших исторических событий, сформировались южно-хантыйская и северо-хантыйская локальные группы. Не сомневаясь в селькупской принадлежности позднесредневековых могильников, доказанной в 1950-х гг. А.П. Дульзоном и, на современном этапе, А.И. Бобровой и Ю.И. Ожередовым, он отрицает возможность экстраполяции этого вывода на материалы раннего средневековья и, тем более, на материалы раннего железного века [10. С. 3–44].

Огромная работа по исследованию и этнической интерпретации обширных материалов средневековых погребальных комплексов Нарымского Приобья проведена А.И. Бобровой. Для периода IX–XVII вв. ею выделена «нарымская археологическая культура», в IX–XVI вв. принадлежащая праселькупскому, с XVII в. – селькупскому населению [11]. По комплексам признаков она выделила четыре типа погребального обряда: чулымско-кетский (нижнее течение р. Чулым, среднее течение р. Кеть), обской (лево- и правобережье Оби, междуречье Оби и Чаи по р. Парабель с притоками), обско-чулымский (по берегам Оби и Нижнего Чулыма в пределах Молчановского района) и тымский (течение р. Тым, Обь в Александровском районе). Разнообразие типов погребального обряда, по ее мнению, отражает формирование локальных групп селькупов, засвидетельствованных этнографическими исследованиями Г.И. Пелих. О том, что они имели единую основу, свидетельствуют общие элементы обрядности: курганный тип могильников, наземный способ погребения, захоронение покойного на спине в вытянутом положении, возведение деревянного погребального сооружения, использование бересты при погребении, снабжение инвентарем [11. С. 85]. Очевидно, что одним из важнейших аргументов наличия единой основы является присутствие в погребениях керамической посуды с определенными характеристиками: шаровидные сосуды со сплошной гребенчатой орнаментацией [Там же. С. 57]. Основными дифференцирующими признаками типов погребального обряда, а значит, локальных групп селькупов, являются: многоактность или одноактность возведения курганной насыпи, наземный или грунтовый способ погребения, отсутствие или наличие

и формы кремации, наличие или отсутствие керамической посуды, обжиг площадки перед погребением, использование рамы-обкладки и особенности ее конструкции, наличие берестяного погребального короба, наличие лицевых посмертных покрытий.

В составе нарымской археологической культуры А.И. Боброва отмечает несколько компонентов – автохтонный (рёлкинский), тюркский и угорский [11. С. 55]. К XVI–XVII вв. происходят консолидация и нивелировка этнических компонентов, что прослеживается по унификации керамической посуды [Там же. С. 83]. Вторая половина XIV–XVII вв. были временем поступательного развития культуры, ее расцвета, несмотря на активизацию угров и начавшуюся колонизацию края со стороны Российского государства [Там же. С. 82].

Сюжеты, относимые уже скорее к области этнической истории, освещаются в порядке интерпретации конкретных публикуемых археологических источников. Так, при публикации материалов поселения Золотая Горка были выделены две последовательно сменяющие друг друга группы керамики. Аналогии более поздней группе керамики авторы нашли в материалах памятников второй половины II тыс. н. э. из районов Томско-Нарымского Приобья [12. С. 146]. На основании этого было сделано предположение о продвижении групп селькупского населения в XVI в. на юг и об их проживании в это время не только выше устья р. Шегарки, но и выше устья р. Томи [Там же. С. 150].

Подобные перемещения селькупского населения в XVII в. с р. Обь на р. Кеть на основании двух хронологических групп погребений в материалах Лукьяновского I могильника предположила Г.И. Гребнева [11. С. 21].

Ю.И. Ожередов на материале курганных могильников XVI–XVII вв. с р. Чаи и р. Кёнга (Барклай, Кустовские, Гребенщиковский) на примере отдельных элементов погребального обряда и инвентаря делает вывод об этнической многокомпонентности оставившего их населения [13. С. 77–119; 14. С. 133–137; 15. С. 160–164].

Таким образом, на археологических материалах процесс культуругенеза населения Среднего Приобья представлен двумя гипотетическими вариантами. Первый (Л.А. Чиндина, А.И. Боброва, В.А. Могильников) предполагает автохтонную основу самодийской (кулайской) общности, дальнейшее историческое развитие которой, вкупе с включением тунгусского пришлого населения (III тип керамики, валиковая) привело к формированию в Среднем Приобье праселькупской (рёлкинской) культуры. Впоследствии, с участием северо-западных (угорских) и южных (тюркских) компонентов, к XVII в., в Среднем Приобье сформировались известные по историческим источникам группы селькупов. Согласно второму варианту (В.И. Молодин) кулайская культура является угорской, а рёлкинская – угро-самодийской. С этногенезом самодийцев В.И. Молодин связывает одинцовскую (верхнеобскую) культуру, локализуемую на территории Верхнего Приобья. Основная дискуссия разворачивается по вопросу

этнической принадлежности кулайской культуры, в частности – фигурно-штамповой керамики. Авторами не оспаривается селькупская принадлежность поздне-средневекового населения данного региона и наличие его активных взаимодействий с уграми, тунгусами и тюрками. Краткий обзор существующих версий позволяет сделать вывод о том, что решающее значение в процессе этногенеза селькупов имеет период IX–XIV вв., еще слабо освещенный археологическими исследованиями.

Этногенез селькупов по данным генетических исследований. Исследование мужского генофонда северных (тазовских) селькупов началось еще в 1999 г. [16]. В работе были опубликованы данные по частоте гаплогрупп в этой популяции. В 2002 г. появилась работа с уточненными данными [17].

В результате экспедиций 2012, 2013 и 2017 гг. в Парабельский и Верхнекетский районы Томской области были получены образцы представителей разных этнотерриториальных групп южных селькупов. Места проживания предков участников исследования были установлены по сведениям информантов, генеалогическим данным из личных архивов и данным о распределении фамилий из опубликованных работ [18]. Генотипирование проводилось в лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики (Томск, Россия) и в компании Family Tree DNA (Хьюстон, США).

Выявленные на основе исследования этих образцов генетические связи южных селькупов с определенными популяциями и территориями позволяют уточнить некоторые моменты этногенеза и этнокультурной истории этого народа.

В составе генофонда южных селькупов можно выделить шесть мужских генетических групп: N1b-A – 35,3%, N1b-E – 5,9%, Q1a3-L330 – 29,4%, Q1a3-YP4000 – 17,6%, Q1a2 – 5,9%, R1b-M73 – 5,9% (рис. 1).

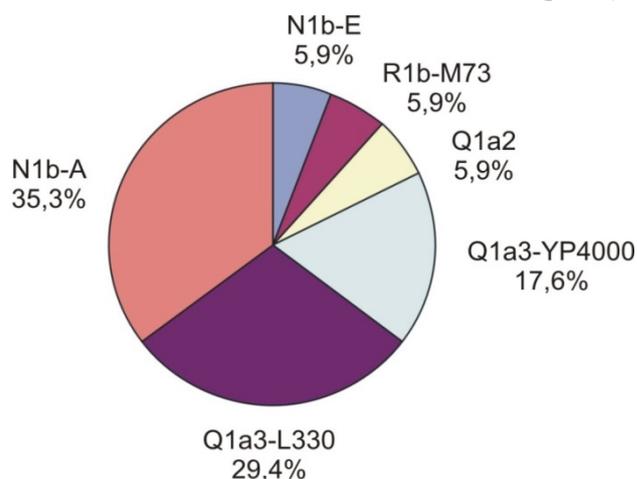

Рис. 1. Частота генетических линий у южных селькупов

Субклад N1b-A представлен у потомков жителей разных населенных пунктов на Оби от Нарыма до юрт Иванкиных, а также в Среднем Прикетье. Субклад Q1a3-L330 – в Среднем и Верхнем Прикетье и Нижнем

Причулымье. Субклад Q1a3-YP4000 – у потомков жителей разных населенных пунктов на р. Парабель.

Южные селькупы вместе с ненцами и хантами входят в группу N1b-VL63, которая является частью субклада N1b-A. Более удаленными родственниками по отношению к ним являются хакасы, тувинцы и монголы, принадлежащие к другим линиям того же субклада. По специфическим значениям Y-STR-маркеров гаплотипы селькупов N1b-A разделяются на две группы. Одна из этих групп близка к ненцам. Это потомки жителей юрт Конкиных – представители самой северной из исследуемых групп южных селькупов.

Разделение предков южных селькупов, хантов и ненцев, принадлежащих к субкладу N1b-A, по расчетам на основании накопления мутаций (SNP), произошло 3 200 – 3 400 лет назад. Наиболее вероятно, что это разделение имело место на территории Нарымского Приобья. Разделение предков селькупов и ненцев с предками тувинцев, хакасов и монголов произошло в более раннее время, примерно 3 600 – 3 700 лет назад. Наиболее вероятной прародиной всех этих групп является территория Восточного Саяна.

Распространение части субклада N1b-A, ветви, определяемой SNP-маркерами VL63 и B478, имеет прямые корреляции с ареалом проживания самодийских народов. Эта линия распространена среди современных самодийцев (ненцев, нганасан и селькупов), а также на тех территориях, где фиксируется самодийская топонимика и отмечается недавнее присутствие самодийцев (Саяны, Северный Алтай) [19. С. 293–295]. Можно также полагать, что субклад N1b-A отражает вклад самодийцев в генофонд северных хантов и является своего рода генетическим субстратом для этой популяции.

Таким образом, наличие группы N1b-A южных селькупов указывает на тесные генетические связи прежде всего с другими самодийскими народами и соседними хантами.

Другим значимым компонентом генофонда южных селькупов является субклад Q1a3-L330. С наибольшей частотой этот субклад представлен у кетов (84%). Также со значительной частотой он представлен у хантов (северных и васюганских), тувинцев, хакасов и северных алтайцев и с небольшой частотой у монголов [20. С. 13–14, TL, Uralic DNA Project]. Согласно последним расчетам возраст Q1a3-L330 достаточно древний. Разделение двух основных ветвей Q1a3-L330 произошло примерно 8000±1000 лет назад (YFull) и вероятно это произошло на пограничье Казахстана, Российского Алтая, Монголии и Китая.

Субклад Q1a3-L330 с наибольшей частотой встречается у кетов, народа, принадлежащего к енисейской языковой группе. Также данный субклад в основном представлен на территории распространения енисейской топонимии – Саяны, Северный Алтай, Омское Прииртышье [19. С. 291; 21. С. 97]. В связи с этим все основания полагать, что этот субклад является марке-

ром миграций енисейцев [22. С. 83]. Селькупы Q1a3-L330 принадлежат к двум линиям. Субтипирование и специфические значения Y-STR-маркеров указывают на близость потомков жителей юрт Кондуковых Лелькинской волости к кетам, особенно к представителям фратрии богдэнг (TL).

Потомки жителей Кашкинской волости (юрты Мулешкины и Карелины) на Средней Кети, судя по специфическим значениям Y-STR-маркеров, ближе к тувинцам и монголам, чем к кетам. Весьма вероятно, что генетические предки селькупов Кашкинской волости были выходцами с Чулыма и имели общее происхождение с одной из групп чулымских тюрков. Потомки жителей Юрт Могочинских Корткульской волости (Молчановский район) также принадлежат к субкладу Q1a3-L330, но к специфической линии, которая представлена среди чулымских тюрков и обских татар (карагасов). Наиболее вероятно, что предки жителей Юрт Могочинских являлись мигрантами из Причулымья и были связаны близким родством с чулымскими тюрками. С другой стороны, древняя история этой линии также, как и история предыдущих групп, может быть связана с миграциями енисейцев.

Третья значимая часть генофонда южных селькупов представлена субкладом Q1a3-YP4000. Эта генетическая линия хорошо выделяется наличием специфических Y-STR-маркеров. Территория расселения представителей этой линии среди селькупов тяготеет к бассейну р. Парабель. Не исключено, что и данная группа также представлена у более южного населения. Для подтверждения этого необходимо провести исследование потомков населения Чаинской, Большой и Малой Чурубаровских и Шепецкой волостей.

Представители линии Q1a3-YP4000, населявшие бассейн Парабели, составляют компактную юго-западную группу и, исходя из разнообразия гаплотипов, можно предполагать, что эта группа появилась в данном регионе более 2 500 лет назад. Ближайшими генетическими родственниками селькупов являются барабинские татары из той же линии. У барабинских татар данная группа – доминирующая и составляет значительную часть мужского генофонда. Более дальними генетическими родственниками селькупов и барабинских татар является группа чеченцев. Разделение предков селькупов, барабинских татар и чеченцев линии Q1a3-YP4000 могло произойти на юге Западной Сибири около 3 000 лет назад и наиболее вероятными предками данной группы можно считать носителей одной из археологических культур бронзового века.

Генетические данные, полученные за последнее время, показали, что некоторые линии субклада Q1a3-YP4000 представлены у челканцев и томских татар (эуштинцев) (TL). Челканцы и эуштинцы находятся с селькупам в более дальнем родстве, чем барабинские татары и чеченцы. Тем не менее эти данные, вместе с данными палеогенетики, свидетельствуют о том, что территорию Барабы, Верхнего и Среднего Приобья в

дотюркскую эпоху занимали родственные генетические группы. Исследование образцов носителей елунинской культуры (4 300 – 3 700 лет назад) показывает принадлежность их к той же генетической линии [23. С. 87] и указывает на древнюю миграцию предков части селькупов с территории равнинного Алтая. Кроме этого, данные палеогенетики позволяют предположить, что появление субклада Q1a3-YP4000 в Верхнем Приобье связано с миграцией в эпоху неолита из Прибайкалья [24]. Данные палеогенетики и генетики также указывают тесную связь с генетическими предками современных енисейцев. Вероятнее всего, субклад Q1a3-YP4000 также является маркером древних миграций енисейцев, как и субклад Q1a3-L330. Наличие мощного пласта енисейской топонимики в Барабе [19. С. 291; 21. С. 97] подкрепляет это предположение.

Другие генетические линии (N1b-E, Q1a2, R1b-M73) в составе южных селькупов являются минорными. Но, тем не менее, каждая из этих линий отражает процесс вхождения новых компонентов в состав предков селькупов. Часть из них (группа R1b-M73), видимо, отражает вхождение в состав предков селькупов тюркских групп южного происхождения из Томского Приобья. Другие линии (N1b-E и Q1a2), в связи с тем, что близкие гаплотипы встречаются у хантов, показывают вхождение в состав селькупов угорских групп (рис. 2).

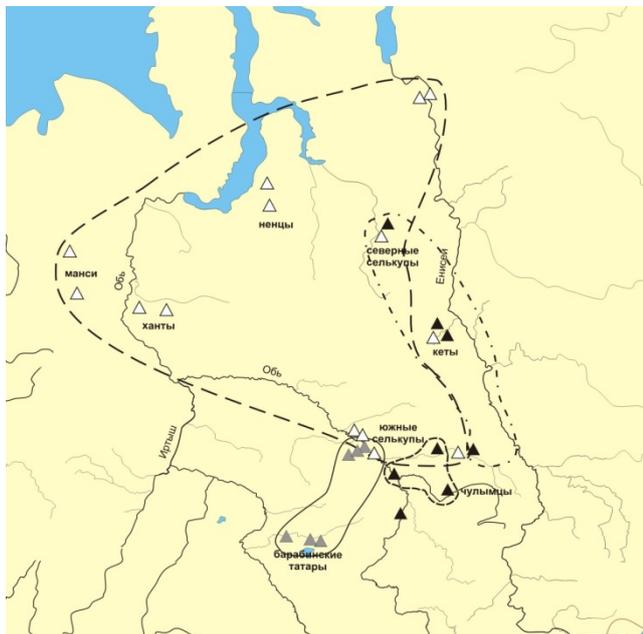

Рис. 2. Генетические связи южных селькупов

Таким образом, генофонд южных селькупов состоит из нескольких компонентов. Представители каждого из них занимают определенную территорию и в связи с этим компоненты можно условно обозначить как северный, юго-западный, южный и восточный. Северный компонент представлен гаплогруппой N1b-A, юго-западный – Q1a3-YP4000 и Q1a2, восточный – некоторыми линиями Q1a3-L330, южный – другими линиями Q1a3-L330 и линией R1b-M73. Каждый из этих компо-

нентов генетически связан с географически близкими популяциями. Северный компонент с северными хантами и ненцами, восточный – с кетами, южный – с томскими и чулымскими тюрками, юго-западный – с хантами и барабинскими татарами.

Основой мужского генофонда южных селькупов следует считать северную группу (N1b-A). Эта же группа, судя по всем расчетам, является самой древней в Нарымском Приобье. Появление этой группы на данной территории можно датировать временным интервалом 3 200–3 400 лет назад. Как указано выше, именно представители группы N1b-A составляют основу генофонда и других самодийских народов (ненцев, нганасан), а также населения Нижнего Приобья (хантов).

Второй значимой и древней генетической линией в составе южных селькупов следует считать юго-западную группу (Q1a3-YP4000). Исходя из разнообразия гаплотипов, можно предполагать, что эта группа появилась в юго-западной части Нарымского Приобья более 2 500 лет назад и миграции шли с территории Барабинской лесостепи. Остальные группы вошли в состав генофонда южных селькупов позже. Вероятнее всего, в эпоху развитого и даже позднего средневековья. Одна из этих групп с территории Восточного Прикетья родственна кетам, другие, вероятнее всего, связаны с миграциями тюрков из Томского Приобья и Причумылья.

Таким образом, прямые генетические предки основных групп селькупов проживали на территории Нарымского Приобья еще в докулайское время и влияние более поздних мигрантов на формирование генофонда южных селькупов было менее значимым, чем влияние автохтонного населения.

Этногенез селькупов (носителей селькупского языка) с точки зрения лингвистических данных и исторической этнологии. Интенсивные исследования Е.А. Хелимского в 1970-х гг. в области самодийского языкознания (на основе анализа данных по всем самодийским языкам) позволили ему выявить этапы глотто- и этногенеза самодийцев, а также сформулировать характерные черты культуры самодийской языковой общности накануне ее распада. Таковыми (по данным общесамодийской лексики) являются: развитое оленеводство, ставшее для них «продуктом относительно самостоятельной эволюции, а не переноса навыков коневодства и молочного животноводства»; использование лука и копья как орудий охоты, ловушек и силков, рыболовных снастей (при важной роли запорного рыболовства), скребков для выделки шкур, многообразных берестяных сосудов, лыж, саней, чума (в том числе с берестяными покрывками), лабазов [25. С. 10].

Наиболее четко по данным прасамодийских реконструкций выявляются признаки, характеризующие именно территорию расселения самодийцев. Указанная территория полностью или большей своей частью находилась в таежной зоне, включала в себя часть бассейна Енисея или примыкала к нему, непосредственно соприкасалась с областями расселения тунгусо-

маньчжуров, тюрков, енисейцев и обских угров, находилась от областей расселения монголов и индоевропейских племен на известном отдалении, допускавшем лишь слабые и опосредованные контакты [25. С. 13].

На основе выявленных критериев и с учетом «наиболее вероятных локализаций областей расселения соседних народов» Е.А. Хелимский высказал мнение о размещении поздней самодийской прародины в районе «между Средней Обью и Енисеем, вокруг четырехугольника “Нарым – Томск – Красноярск – Енисейск” и с возможным вхождением – полным или частичным – тех или иных сопредельных территорий: северной части Обь-Иртышского междуречья, северного Алтая, Присаянья, территории к востоку от Среднего Енисея, бассейнов Сыма и Ваха» [Там же. С. 13–14]. В другой публикации район «исходного расселения» селькупов Е.А. Хелимский видел в «треугольнике Томск – Красноярск – Енисейск» [26. С. 28].

Археологи – Л.А. Чиндина и Э.Б. Вадецкая – использовали мнение, опубликованное данным автором в 1983 г. [27. С. 5–10], для идентификации самодийцев с населением: 1) кулайской археологической культуры в Среднем (Сургутско-Нарымском) Приобье (V в. до н. э. – V в. н. э.) (Л.А. Чиндина) [28. С. 174–175]; 2) с населением тагарской археологической культуры в Минусинской котловине (VIII в. до н. э. – I в. н. э.) [29. С. 98–99].

Ни с одной из предложенных идентификаций Е.А. Хелимский не согласился. На его взгляд, данные попытки соотнесения археологического и лингвистического материала оставляют труднообъяснимым ряд важных фактов: а) несовпадение роли оленеводства, несомненно, характерного для самодийцев и не характерного (т.е. полное отсутствие или незначительная роль оленеводства) для кулайского и тагарского населения; б) высокоразвитое бронзолитейное производство у кулайцев (и его слабая представленность в лексике самодийцев), бронзолитейное производство Е.А. Хелимский предлагает рассматривать как характерный элемент культуры предков енисейских народов [25. С. 14]. в) развитое скотоводство в сочетании с примитивным земледелием у тагарцев (и отсутствие этих элементов в культуре самодийцев). Тагарцев Е.А. Хелимский предлагает рассматривать как принадлежащих «скорее к алтайскому, нежели к уральскому, этнокультурному кругу» [Там же].

Распад самодийской общности Е.А. Хелимский датирует рубежом н.э. Глоттохронологическая датировка проводилась им на основе лексикостатистических данных (по классической методике М. Сводеша) и позволила «оценить возраст самодийской группы примерно в II тыс. лет» [25. С. 16]. Этот возраст, на взгляд автора, «соответствует традиционной датировке, не противоречит данным о внешних связях самодийского праязыка и о датировке важнейших этапов в эволюции соседних языковых общностей и косвенно подтверждает часто высказываемое мнение о том, что причиной или катализатором распада прасамодийской общности яви-

лись гуннские завоевания в Южной Сибири (со II в. до н. э.) [25. С. 16].

Селькупский язык, по оценке Е.А. Хелимского, представляет собой «классический случай диалектного континуума» [Там же. С. 24]. Применение глоттохронологического метода к спискам базисной лексики наиболее удаленных друг от друга диалектов селькупского языка дало (при 12 расхождениях на 84 слова) «длительность дивергенции порядка 0,5 тыс. лет» [Там же. С. 26]. Однако Е.А. Хелимский предполагает, что период дивергенции был несколько значительней, так как «формула М. Сводеша склонна давать систематическую ошибку в сторону занижения возраста» в условиях контакта диалектов, тем более в случае континуума.

Кроме того, эти подсчеты позволили сделать еще один, весьма значимый для селькупской диалектологии (и одновременно для этнической истории селькупов), вывод: за 250–300 лет «границы основных диалектных подразделений селькупов оставались достаточно стабильными. Не наблюдалось сколько-нибудь интенсивного смещения диалектов и диффузии диалектных черт» [26. С. 78].

В целом относительно этнической истории селькупов эти данные говорят о том, что селькупы рассматривались Е.А. Хелимским как языковые и культурные потомки одной из групп самодийцев, обитавшие в момент своего этнического формирования примерно в том же географическом пространстве, где была их языковая прародина – в пределах тайги между Средней Обью и Средним Енисеем. В этот период они контактировали с обскими уграми (в Приобье), тунгусами (на притоках Енисея) и енисейцами. Причем контакты с енисейцами шли постоянно по нарастающей: от прасамодийского этапа к концу II тысячелетия н. э. (по оценке Е.А. Хелимского, «самодийско-енисейские контакты на уровне праязыка были гораздо менее интенсивны, чем последующие контакты языков-потомков (особенно, селькупско-кетские)» [25. С. 12].

В устных высказываниях Е.А. Хелимский однозначно отказывался считать селькупов наследниками кулайской культуры (всячески настаивал, чтобы археологи более пристально рассмотрели в этом качестве енисейцев), рассматривал бассейн р. Кети как, вероятно, важную артерию, связывающую Среднюю Обь и Средний Енисей, по которой и произошел приток самодийского населения в Приобье. Перемещения формирующихся селькупов он представлял (с большой осторожностью) следующей лаконичной схемой: сначала с верховий Кети вниз к Оби (от Енисея на запад), потом по Оби – на левобережные и правобережные обские притоки, затем на севере (для групп, ушедших на Таз и Турухан) – назад на восток – к Енисею. В Нарымском Приобье он, вслед за А.П. Дульзоном, считал, что селькупскоязычное население Приобья сформировалось на енисейскоязычном субстрате, и призывал не забывать этот факт (из лекций Е.А. Хелимского, Гамбург, 2006 г.).

Для реконструкции этнической истории селькупов особый интерес представляют исследования С.В. Глушкова в области исторической фонетики селькупского языка, который на основе анализа фонетических изменений, происходивших в диалектах селькупского языка, высказал предположение (вслед за А.П. Дульзоном и Т. Януриком) о том, что начиная со II в. н. э. с большой долей вероятности можно говорить о древнеселькупском периоде и о наличии приблизительно с VI в. н. э. в пределах древнеселькупского языка двух крупных древних диалектов [30; 31. С. 48].

Развивая его мнение (в целом не вызывающее возражений в среде коллег-лингвистов) относительно наличия двух древних диалектных подразделений селькупского языка в некоторой исторической перспективе, можно высказать предположение, что гипотетический праселькупский язык не распался на два языка – южный селькупский и центральный селькупский: эти два языковых подразделения самостоятельно развивались с прасамодийского этапа. Таким образом, с известной осторожностью, можно считать, что единый праселькупский этап в развитии селькупского языка отсутствовал (или же он был очень краток).

Одна из этих двух групп, вероятно, по Кети проникает в Приобье, затем осваивает, помимо Кети, обское пространство между верхним устьем Кети и устьем Чулыма, тем самым формируется группа южных селькупов – сюссыкумы.

Представители другой группы проникают в Нарымское Приобье с истоков Чижапки, Парабели (рек Кёнги и Чузика) и Чаи (реки Парбига, Евга), и в процессе освоения промысловых угодий на притоках они выходят к Оби с запада по Васюгану, Парабели. Таким образом, из левобережного населения формируются чумылкупы.

Часть населения, вышедшего с Васюгана на Обь, перешла на Тым. Об этом красноречиво свидетельствуют названия селькупских поселков – топонимическая модель этих названий единая для жителей Кёнги, Чижапки и Тыма [18. С. 113–122; 32].

Северные селькупы формировались из населения, говорившего на тымском говоре центрального диалекта. Однако в их формировании приняло участие также население с р. Кети (кетский говор южного диалектного ареала).

Кроме того, в Приобье, выше устья Чаи, происходило формирование группы «крайне южных» селькупов. Данное мнение основывается на предположении Е.А. Хелимского, который, опираясь на материалы Г. Миллера, А. Кастрена, К. Доннера, Н. Григоровского, предусматривал внутри южной группы диалектов особую диалектную подгруппу «крайне южных диалектов» – ныне исчезнувших – чумылский, чаинский и «верхнеобской» / «томский», отмеченные в материалах. Как вероятный ареал распространения «крайне южных» диалектов селькупского языка Е.А. Хелимский предлагает рассматривать юг Томского Приобья

(«вплоть до примыкающих к Томской области Мариинского и Яшкинского р-нов Кемеровской области») [25. С. 27].

Это фактически может говорить о возможном наличии в прошлом четвертого диалектного ареала – «крайне южного», или о процессе дивергенции «южного» ареала и выделении из него «крайне южной» части. Вопрос о направленности лингвистических процессов на селькупском юге – дивергенции «крайне южных» от других южных диалектных подразделений или, напротив, слиянии, сближении бывшего четвертого «крайне южного» ареала с остальным южным ареалом, на сегодняшний день является слабоизученным и остается открытым.

Можно предположить, что «крайне южные селькупы» явились еще одной волной исхода самодийцев (в языковом отношении очень близких к «южным» селькупам) с их самодийской прародины, и эта группа вышла в Приобье с востока не по Кети, а, возможно, через Томь, спустилась вниз по Оби и локализовалась в пространстве между устьями Чаи, Чулыма, Шегарки и Томи. Или же эта группа формировалась как обособляющаяся часть от сюссыкумов, поднимаясь по Оби вверх от верхнего устья Кети до устьев Чулыма и Томи (подробнее см.: [25. С. 27; 33]).

Именно они освоили нижнее и среднее течение р. Чаи, и относительно одной из подгрупп этого населения в XVIII в. (1740 г.) Г. Миллером было записано родовое название Künku. Так, Г. Миллер пишет буквально следующее: «Вдоль Чаи, от устья и до [рч.] Музура [Бакчара], а также на ½ дня пути вверх по Музуру живут остяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род Künku-aimak» [34. С. 182]. К сожалению, именно эта группа осталась практически не исследована в этнографическом плане; в лингвистическом плане – это материалы Н.П. Григоровского [35, 36].

Низовья Чулыма осваивались селькупоговорящим населением с Оби, и, как писал Г. Миллер, именно жители Корткульской волости на Оби считали «своей собственностью» уголья в низовьях Чулыма «на 1,5 дня пути на маленьких лодках вверх против течения»; «некоторые немногие семьи из них также имеют здесь кое-где жилища» [34. С. 178]. Е.А. Хелимский предлагал некоторые говоры на Оби между Нарымом и Колпашево (нарымско-обские), а также на Нижней Кети (кетско-обские) считать «переходными» или смешанными [25. С. 24–25; 37. С. 23].

При этом на Оби сформировалось несколько контактных зон:

а) между верхним и средним устьем Кети появилась зона контакта между чумылкупам и сюссыкумами (шло формирование шёшкупов, однако этот процесс не был завершен ни в языковом плане, ни в плане этнографическом, иначе диалектные особенности группы, и ее этнокультурная специфика были бы выявлены более четко). Причем в основе шешкупов находилась

наиболее ранняя из вышедших на Обь подгрупп сюзсыкумов (имевшая архаичный ξ вместо s в анлауте);

б) в районе Сондороро и Тайзаково также сложилась зона активного смешения между «крайне южными» и южными сюзсыкумами, с одной стороны, и формирующимися шёшкупками – с другой. Также в этом ареале были, вероятно, и вкрапления левобережных чумылкупов, вышедших с истоков Чаи – рек Парбиг и Евга.

Гипотетически самодийский ареал, из которого «выдвинулись» две группы будущих селькупов, можно было бы разместить южнее устья Томи. Возможно, в качестве места исхода для «южных» селькупов (сюзсыкумов) можно рассматривать территорию среднего течения Томи (в пределах таежной (южно-таежной) зоны, но до предгорий Алтая), где позднее фиксируются шорцы. Однако более корректно было бы искать подобный ареал, вслед за Е.А. Хелимским, который видел район «исходного расселения» селькупов в «треугольнике Томск – Красноярск – Енисейск» [26. С. 28], ближе к Енисею, и, вероятно, он должен включать в себя истоки р. Кеть. Кроме того, по природно-климатическим характеристикам этот ареал должен очень походить на территорию Нарымского Приобья (иметь как минимум развитую речную сеть, так как все селькупские группы формировались как рыболовы).

Для «центральных» селькупов (чумылкупов), возможно, такой территорией «исхода» могла бы стать лесостепь в районе Северной Барабы. Не случайно именно этот ойконим (сельк. Параба) так распространен в обском «чумылкупском» левобережье – крупные реки Парабель (по форме – фактически адекватив от слова «Параба»), Парбига (а также Род *Parbe*, который в XVIII в. зафиксировал Г. Миллер на истоках Чаи) [34]. Сдвигалось самодийское население из более южных широт, вероятнее всего, под натиском тюрков; волны тюркизации могли бы хронологизировать этот процесс.

Таким образом, в ходе проведенного исследования становится очевидным, что по археологическим и гене-

тическим данным культурогенез и формирование генофонда населения Нарымского Приобья в течение 3 000 лет представляется как процесс непрерывный, происходящий на основе автохтонных культур позднего бронзового века. Этнолингвистические же материалы предлагают дислокацию предков селькупоговорящего населения искать южнее, точнее – юго-восточнее, чем Нарымское Приобье.

На генетическом материале формирование генофонда южных селькупов видится как включение в него в эпоху раннего железного века групп юго-западного происхождения, и в эпоху средневековья – разных групп западного, южного и восточного происхождения.

Вхождение в состав предков южных селькупов тюркских групп генетической линии R1b-M73 из Томского Приобья в археологических материалах раннего и развитого средневековья отразилось как процесс тюркизации. Наличие генетических линий N1b-E, Q1a2 также не противоречит имеющимся археологическим данным о наличии угорского компонента в средневековых материалах [11. С. 55]. В генофонде южных селькупов отсутствуют линии, связанные с тунгусо-манчжурскими группами, хотя археологические материалы раннего средневековья, представленные III типом керамики рёлкинской культуры (валиковой), археологами традиционно связываются с носителями тунгусо-манчжурских языков [7. С. 130].

При этом три типа погребального обряда, выделенные на археологических материалах позднесредневековых могильных комплексов Среднего Приобья, хорошо коррелируют с ареалами распространения генетических групп и диалектов селькупов. Совместный взгляд на этногенез селькупов с точки зрения археологии, генетики, этнолингвистики позволяет определить наиболее перспективные направления дальнейших исследований и пересмотреть гипотезы, потерявшие свою актуальность.

СОКРАЩЕНИЯ

TL – база данных лаборатории эволюционной генетики НИИ Медицинской генетики (Томск).
Uralic (Finno-Ugric-Samoedic) DNA Project. URL: <http://www.familytreedna.com/public/Finno-UgricDNA>
YFull – URL: <http://www.yfull.com>

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии. 1957. № 58. С. 136–245.
2. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: АН СССР, 1954. С. 165–192.
3. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. В 4–72(2). М.: Наука, 1971. 120 с.
4. Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI–XVII веков у с. Молчаново на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1955. Т. XIII. С. 97–154.
5. Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–94.
6. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.
7. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 181 с.
8. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
9. Плетнева Л.М., Беликова О.Б. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 127.
10. Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Фёдорова Н.Н. История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 8–44.

11. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2016. С. 7–117.
12. Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н. э. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 129–151.
13. Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов : материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 77–119.
14. Ожередов Ю.И. Селькупские погребальные «маски» (к постановке вопроса) // Вестник Томского университета. История. 2013. № 3 (23). С. 160–164.
15. Ожередов Ю.И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии // Вестник Томского университета. История. 2016. № 5 (43). С. 133–137.
16. Karafet T.M. et al. Ancestral Asian Source(s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes, *Am. J. Hum. Genet.* 1999. № 64. P. 817–831.
17. Karafet T.M. et al. High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 2002. № 74. P. 761–789.
18. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
19. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 289–296.
20. Харьков В.Н. Структура и филогенез генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2012. 45 с.
21. Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Ученые записки Томского педагогического института. Томск, 1959. Т. 18. С. 91–111.
22. Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1 (1). С. 79–96.
23. Hollard K. Peuplement du sud de la Sibirie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique. 2014. Ph.D. thesis. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/>
24. De Barros Damgaard P. et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. *Science* 09 May 2018; eaar7711. DOI: 10.1126/science.aar7711 raw data of samples ERS2374420 and ERS2374422. URL: <https://www.ebi.ac.uk/ena/data/view/PRJEB20658>
25. Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1988. 47 с.
26. Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. 639 с.
27. Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 5–10.
28. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 255 с.
29. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 98–99.
30. Глушков С.В. О древнем периоде и праистории селькупского языка // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 405–409.
31. Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 34–48.
32. Беккер Э.Г. Селькупская топонимия Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. М. : Наука, 1964. С. 125–133.
33. Тучкова Н.А. «Крайне южные» селькупы // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования : сб. трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 205–223.
34. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 172–186.
35. Григоровский Н.П. Азбука сносогой гулани. Составлена Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879.
36. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Bearbeitet und herausgegeben von E. Helimski. Hamburg, 2007.
37. Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка. Введение // Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.

Berezovskaja Natalija V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: bnv141624@gmail.com

Volkov Vladimir G. (Tomsk, Russia) E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru

Tuchkova Natalya A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: nata2017juli@gmail.com

THE ORIGINS OF THE SELKUPS IN THE LIGHT OF INTERDISCIPLINARY APPROACH (ARCHAEOLOGY, GENETICS, LINGUISTICS, HISTORICAL ETHNOGRAPHY)

Keywords: Selkups, ethnogenesis, local groups, archaeological culture, funeral rite, genetics, linguistics.

The present article considers the ethnogenesis of the Selkups from the viewpoint of archaeological, genetic, linguistic and ethnohistorical researches. The authors make an attempt to outline the existing Selkup ethnogenesis theories from different standpoints, avoiding incorrect data interpretations in the related disciplines. The study has revealed that the publications by archaeologists contain two main hypothetical variants of culture genesis for the Middle Ob population. The first one (by L.A. Chindina, A.I. Bobrova, V.A. Mogilnikov) assumes the autochthonous foundation of the Samoyedic (Kulayskiy) entity. Its historical development could have led to the pre-Selkup (Ryelinskiy) culture formation in the Middle Ob region. According to the second variant (by V.I. Molodin), the Kulayskiy culture is Ugrian, whereas the Ryelinskiy culture is Ugrian-Samoyedic. V.I. Molodin links the ethnogenesis of the Samoyeds with the Odintsovskiy (upper Ob) culture, located on the territory of the Upper Ob. The review of the existing theories, based on the archaeological materials analysis, leads to the conclusion that the period of 9-14th centuries is extremely significant for the ethnogenesis of the Selkups, although this period is insufficiently covered by archaeological researches.

The genetic data suggest that the Selkups could have formed on the basis of the local autochthonous population, formed on the territory under study over 3 thousand years ago. The collected genetic material points to the conclusion that the genetic ancestors of the bulk of the Southern Selkups constantly lived in Narym Priobye (the Narym part of the Ob river). The Southern Selkups gene pool seems to have been formed as a result of integration of the South-Western groups (in the Early Iron Age) and other Western, Southern and Eastern origin groups into an ancient autochthonous component, formed in the Early Iron Age. Thus, the direct genetic ancestors of the major Selkup groups resided on the territory of Narym Priobye even in the pre-Kulayskiy era. Besides, the impact of later migrants on the Southern Selkup gene pool was less significant, than the autochthonous population influence.

The linguistic data, conversely, indicate that Priobye could not be considered as the territory of the Early Selkups formation, while offering the options to search the native Selkups dislocation in the more Southerly, South-Easterly direction. It is worth to mention that the analysis of the phonetic changes in the Selkup dialects (by A.P. Dulson, S.V. Glushkov) proved the independent development of the two of the language divisions – the Southern-Selkup and the Central-Selkup right from the Pre-Samoyedic period. This assumption seems to be crucial for understanding the ethnical history of the native Selkup speakers.

REFERENCES

1. Chernetsov, V.N. (1957) Nizhneye Priob'ye v I tys.n.e. [The Lower-Ob region in the I Millennium AD]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii*. 58. pp. 136–245.
2. Chernetsov, V.N. & Moshinskaya, V.I. (1954) V poiskakh drevney rodiny ugorskikh narodov [In search of the ancient homeland of the Ugric peoples]. In: Fedorov, G.B. (ed.) *Po sledam drevnykh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana* [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific Ocean]. Moscow: USSR AS. pp. 165–192.
3. Chernetsov, V.N. (1971) Naskal'nyye izobrazheniya Urala [Rock paintings of the Urals]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov*. 4–72(2).
4. Dulzon, A.P. (1955) Ostyatskiye mogil'niki XVI-XVII vekov u s. Molchanovo na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th – 17th centuries, near Molchanovo on the Ob]. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97–154.
5. Chindina, L.A. (1975) O pogrebal'nom obryade pozdnykh mogil'nikov Narymskogo Priob'ya [About the funeral rites of the late burials of the Narym Ob region]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 61–94.
6. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Roelka na Sredney Obi* [Roelka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (rolkinskaya kul'tura)* [The history of the Middle Ob in the early middle ages (Roelka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Mogil'nikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [The Ugric peoples and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [The Finno-Ugric and Baltic peoples in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
9. Pletneva, L.M. & Belikova, O.B. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob region in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Molodin, V.I., Lukina, N.V., Kulemzin, V.M., Martynova, Ye.P., Shmidt, Ye. & Fodorova, N.N. (1995) *Istoriya i kul'tura khantov* [History and Culture of Khanty]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–44.
11. Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G. & Chernova, I.V. (2016) *Narymskoye Priob'ye vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [Narym Ob region in the 2nd millennium AD. (the 10th – 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 7–117.
12. Yakovlev, Ya.A. & Mets, F.I. (1993) Selishche Zolotaya Gorka (k postanovke voprosa ob etnicheskoy situatsii v Tomskom Priob'ye II tys. n. e. [Settlement Zolotaya Gorka (on the ethnic situation in Tomskaya Oblast in the 2nd millennium AD)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskiye issledovaniya v Srednem Priob'ye* [Archaeological research in the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–151.
13. Ozheredov, Yu.I. (1999) Sakral'nyye strely yuzhnykh sel'kupov [Sacred arrows of the southern Selkup]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Priob'ye glazami arkhologov i etnografov. Materialy i issledovaniya k "Entsiklopedii Tomskoy oblasti"* [The Near Ob region through the eyes of archaeologists and ethnographers. Materials and research to the "Encyclopedia of Tomsk region"]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–119.
14. Ozheredov, Yu.I. (2013a) Sel'kup burial masks (on the question). *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 160–164. (In Russian).
15. Ozheredov, Yu.I. (2016) Weapon in the rituals of the Selkups and ancient traditions of Eurasia. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 133–137. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/28
16. Karafet, T.M. et al. (1999) Ancestral Asian Source(s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes. *American Journal of Human Genetics*. 64. pp. 817–831. DOI: 10.1086/302282
17. Karafet, T.M. et al. (2002) High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life. *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 74. pp. 761–789. DOI: 10.1353/hub.2003.0006
18. Tuchkova, N.A. (2014) *Sel'kupskaya oykumena. Obzhitoye prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp* [The Selkup oecumene. The settled space of the Selkups of southern and central dialect groups]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
19. Dulzon, A.P. (1960) Etnicheskiy sostav drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri po dannym toponimiki [Ethnic composition of the ancient population of Western Siberia according to toponymy data]. In: *Materialy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Proceedings of the XXV International Congress of Orientalists]. Moscow: [s.n.]. pp. 289–296.
20. Kharkov, V.N. (2012) *Struktura i filogeografiya genofonda korennoho naseleniya Sibiri po markeram Y-khromosomy* [The structure and phylogeography of the gene pool of the indigenous population of Siberia according to Y-chromosome markers]. Abstract of Biology Dr. Diss. Tomsk.
21. Dulzon, A.P. (1959) Ketskiye toponimy Zapadnoy Sibiri [Ket toponyms of Western Siberia]. *Uchenyye zapiski Tomskogo pedagogicheskogo instituta*. 18. pp. 91–111.
22. Volkov, V.G. (2013) Ancient migrations of Samoyeds and Eniseians in light of genetic data. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 1(1). pp. 79–96. (In Russian).
23. Hollard, K. (2014) *Peuplement du sud de la Sibirie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique* [Population of southern Siberia and Altai in the Bronze Age: contribution of paleogenetics]. Ph.D. Thesis. [Online] Available from: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/>.
24. De Barros Damgaard, P. et al. (2018) The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. *Science*. 360(6396). DOI: 10.1126/science.aar7711
25. Khelimskiy, Ye.A. (1988) *Istoricheskaya i opisatel'naya dialektologiya samodiytskikh yazykov* [Historical and descriptive dialectology of Samoyedic languages]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tartu.
26. Khelimskiy, Ye.A. (2000) *Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparativistics. Uralistika. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
27. Khelimskiy, Ye.A. (1983) Ranniye etapy etnogeneza i etnicheskoy istorii samodiytsev v svete yazykovykh dannykh [Early stages of ethnogenesis and ethnic history of Samoyed people in the light of linguistic data]. In: Shaikhutdinova, G.M. (ed.) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii samodiytskikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic history of Samoyed peoples]. Omsk: Omsk State University. pp. 5–10.
28. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob River in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Vadetskaya, E.B. (1986) *Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya* [Archaeological monuments in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka. pp. 98–99.
30. Glushkov, S.V. (2010) [On the ancient period and the prehistory of the Selkup language]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: Experience of the Western Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International West Siberian Conference. Tomsk. May 19–21, 2010. Tomsk: Agraf-Press. pp. 405–409. (In Russian).
31. Glushkov, S.V. (2011) O praistorii sel'kupskogo yazyka [On the prehistory of the Selkup language]. In Tuchkova, N.A. et al. *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkup. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 34–48.
32. Bekker, E.G. (1964) Sel'kupskaya toponimiya Tomskoy oblasti [Selkup Toponymy of Tomsk Region]. In: Bondaruk, G.P. (ed.) *Toponimiya Vostoka. Novyye issledovaniya* [Toponymy of the East. New Research]. Moscow: Nauka. pp. 125–133.
33. Tuchkova, N.A. (2008) "Krayne yuzhnyye" sel'kupy ["Extremely southern" Selkup]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: Materialy i issledovaniya* [Archeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Research]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 205–223.

34. Miller, G.F. (1996) Puteshestviye po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomsk do Naryma. 1740 g. [Water journey down the Tom and the Ob from Tomsk to Narym. 1740]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in travel descriptions by Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 172–186.
35. Grigorovskiy, N.P. (1879) *Azbuka syussogoy gulani. Sostavlena N.P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraya* [The Selkup Alphabet. Compiled by N.P. Grigorovsky for the foreigners of Narym region]. Kazan: [n.d.].
36. Grigorovskiy, N.P. (2007) *Yuzhnosel'kupskiy slovar'* [The South Selkup Dictionary]. Hamburg: [s.n.].
37. Bekker, E.G. (1995) Dialektnoye chleneniye sel'kupskogo yazyka [Dialectic division of the Selkup language]. In: Bekker, E.G., Alitkina, L.A., Bykonya, V.V. & Ilyashenko, I.A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern Dialects]. Part 1. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 17–24.